3102191

Естественно-Историческая Библіотека
подъ ред. проф. В. И. Таліева.

91

ПРИРОДА и НАСЕЛЕНІЕ СЛОБОДСКОЙ УКРАЙНЫ

ХАРЬКОВСКАЯ ГУБЕРНІЯ

ПОСОБІЕ ПО РОДИНОВѢДѢНІЮ

Составлено при участіи:

Прив.-Доц. А. С. Ѳедоровскаго, Д. К. Педаева, В. Г. Аверина, Проф. В. И. Таліева, Проф. Н. Ф. Сумцова и др.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОЮЗЪ".
Харьковскаго Кредитнаго Союза Кооперативовъ.
1918.

9/4р
Зафіксація Публічна Бібліотека УРСР Інв. 344826
Звірено-36
ВНООС ЗВІРЕНО 20 09 р.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Печатное Дѣло“ Конторская, Клещевскій № 3.
1918.

Предисловіе.

16056 Вл 16,219

Въ НАСТОЯЩЕЕ время передъ населеніемъ Украины и въ частности Слобожанщины встаетъ заря новой жизни. Его творческой, производительной дѣятельности открывается широкій просторъ, не связанный насильственными политическими путами. Но для этого нужно знать свой край, его прошлое, его природу, его положительныя и отрицательныя стороны. Старая русская исторія была мало благопріятна для самодѣятельности, и знакомство съ собственной родиной было въ полномъ пренебреженіи. Теперь этого не должно быть.

Настоящая книга не есть научное изслѣдованіе. Составители ея стремились быть понятными для каждаго, кто имѣетъ подготовку хотябы за двухклассную сельскую школу. Само собой разумѣется, что при краткости своего объема она не въ состояніи служить непосредственно прикладнымъ цѣлямъ и давать указанія для практическаго примѣненія. Ея задача—дать по возможности цѣльное, но безъ излишнихъ подробностей представленіе о своемъ краѣ, вызвать интересъ къ нему и пробудить въ читателѣ рядъ вопросовъ. Отвѣтъ-же на нихъ долженъ быть данъ въ серіи дальнѣйшихъ изданій.

Мы не сомнѣваемся, что предлагаемый трудъ имѣетъ рядъ слабыхъ сторонъ. Прежде всего онъ является коллективнымъ, будучи составленъ нѣсколькими авторами по спеціальности (составители отдѣльныхъ главъ указаны въ оглавленіи). Обезпечивая внутреннюю солидность изложенія, это обстоятельство однако неизбѣжно

крестьянствомъ пришлось ждать своего освобожденія до 1861 года, когда они получили личную свободу и были надѣлены землею по установленнымъ нормамъ. Общинное землевладѣніе, продолжающее существовать, хотя и не въ первоначальномъ видѣ—у крестьянъ нашей губерніи, составляетъ явленіе позднѣйшаго порядка и ведетъ свое начало съ 1814 года, когда Харьковскимъ вицегубернаторомъ для болѣе исправнаго сбора казенныхъ податей былъ произведенъ равный передѣлъ старозаимочныхъ земель по числу душъ и была запрещена продажа земли въ чужія руки. Такимъ образомъ вмѣсто частной собственности, возникшей на почвѣ старочеркасской заиманщины, была создана община.

Этнографическій очеркъ.

Составъ населенія. Какъ видно изъ исторіи заселенія Слобожанщины, рѣшительно преобладающее большинство ея населенія составляютъ украинцы. Устарѣвшія къ настоящему времени цифры послѣдней переписи 1897 г. даютъ возможность отчасти опредѣлить украинское населеніе Харьковской губ., той его главной части, которая осталась вѣрной своей національности по главному ея признаку—языку. Общее число жителей Харьковской губерніи по переписи 1897 г. было—2,492,316; абсолютное число украинцевъ—2,009,411, въ процентахъ съ городами—80,6, а безъ городовъ—85,3, въ общемъ по отношенію ко всему числу—81,7.

Въ теченіе 20 лѣтъ цифры эти несомнѣнно измѣнились въ смыслѣ увеличенія вообще.

Въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ природныхъ и экономическихъ условій въ Слобожанщинѣ въ жизни и обстановкѣ народа обнаруживаются различные оттѣнки. Такъ, въ предѣлахъ собственно Харьковской губерніи выдѣляются: 1) Сѣверо-западная часть по Пслу и Ворсклѣ, лѣсистая, съ богатымъ черноземомъ, чисто украинскимъ населеніемъ, съ небольшимъ оазисомъ великоросовъ въ составѣ 5—6 селъ въ Ахтырскомъ уѣздѣ; въ этой части находятся уѣзды Сумскій, Богодуховскій, Лебединскій и Ахтырскій. Край живописный и богатый; прорѣзанъ желѣзными дорогами; усѣянъ многочисленными сахарными заводами, съ двумя особенно крупными въ Тростянцѣ и Гутахъ. 2) Центральная часть съ большимъ притягательнымъ центромъ—Харьковомъ; уѣзды Харьковскій, Волчанскій, Валковскій, съ плодородной почвой, живописными взгорьями, перевалами, лугами и лѣсами по-надъ рѣчками Удами и Донцомъ, съ многочисленными дачными поселками, со многими хорошими хозяйствами, тѣсно связанными съ городомъ, съ развитымъ садоводствомъ и огородничествомъ. Населеніе почти сплошь украинское, за исключеніемъ немногихъ великорусскихъ селъ въ Харьк. у. и съ очень пестрымъ по составу населеніемъ города Харькова, почти вполнѣ

потерявшаго свою старую украинскую окраску. Край изрѣзанъ желѣзными дорогами, въ Волчанскомъ уѣздѣ также шоссейными. 3) Юго-восточные уѣзды—Купянскій, Старобѣльскій и Изюмскій, преимущественно однообразного степного характера, мѣстами съ минеральными богатствами, съ населеніемъ частью украинскимъ, частью великорусскимъ, съ украинизированными сербами и неподдающимися украинизаціи нѣмецкими колоніями. Огромное большинство населенія относится къ украинскому народу.

Украинцы представляютъ довольно однородное племя темноволосое, темноглазое, выше средняго или высокаго роста, высокоголовое, узколицое, съ прямымъ и довольно узкимъ носомъ, съ сравнительно короткими верхними и длинными нижними конечностями. Отступленіе наблюдается только на сѣверныхъ окраинахъ губерніи отъ смѣшенія съ великоруссами, которые отличаются свѣтлыми волосами, свѣтлыми глазами и болѣе низкимъ ростомъ. Тотъ языкъ, на которомъ говоритъ украинецъ Слобожанщины, считается сравнительно наиболѣе чистымъ и благозвучнымъ. Такимъ онъ былъ, по крайней мѣрѣ. до конца прошлаго вѣка. Художественная проза Квитки построена всецѣло на томъ языкѣ, какой онъ слышалъ на Основѣ, подъ Харьковомъ, въ Куряжѣ и въ самомъ Харьковѣ. окраины котораго 70—80 лѣтъ тому назадъ представляли собою чисто украинское населеніе. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, умноженіемъ заводовъ и фабрикъ, съ развитіемъ солдатчины, съ обрусеніемъ школы въ языкъ вошло много порчи въ видѣ исковерканныхъ или чужихъ словъ.

Великороссы въ Харьковской губерніи встрѣчаются оазисами въ разныхъ уѣздахъ: Харьковскомъ, Ахтырскомъ; лишь въ Старобѣльскомъ уѣздѣ они идутъ сплошной полосой, сливаясь съ сосѣдними великорусскими губерніями. Много осѣло ихъ въ городахъ, особенно въ Харьковѣ, гдѣ уже давно стала проявляться великорусская колонизація, сначала въ видѣ купцовъ, привлеченныхъ ярмарками, позднѣе-рабочихъ, вслѣдствіе быстраго роста фабрикъ и заводовъ. Въ послѣдніе годы войны и революціи большою волной въ города прилили евреи и латыши.

Процессъ обрусенія. Отношенія между украинцами и великоросами—дѣловыя, въ общемъ холодныя. Села живутъ рядомъ, мѣстами даже улицы рядомъ; но у каждой—особый языкъ, особая одежда, отсутствіе общихъ гулянокъ; браки совершаются только въ кругу соплеменниковъ. Селяне украинцы вступаютъ на путь обрусенія, когда переходятъ въ мѣщане, купцы или дворяне. Средняя и высшая школа, и служба играютъ

большую роль въ смыслѣ отдѣленія отъ родного края, отъ отчей семьи, иногда съ презрительнымъ отношеніемъ къ „мужику“, его языку, одеждѣ, складу понятій, ко всему прошлому своего народа и края.

Такого рода измѣненія въ жизни народа давно уже привлекли къ себѣ вниманіе лицъ, близко къ нему стоящихъ, особенно Квитки-Основьяненка въ 30-ыхъ годахъ. Въ украинскомъ разсказѣ“ Малороссійская быль“ Квитка обрисовалъ, напримѣръ, такое явленіе, какъ сынъ селянина Харька изъ школы вынесъ одно высокомѣрное презрѣніе къ отцу, ко всему родному. „Жити по людьски“ для него значило только жить по пански. Еще съ большимъ осужденіемъ Квитка отнесся къ этому явленію въ разсказѣ на русскомъ языкѣ „Ложныя понятія“ въ обрисовкѣ крестьянина Стовбыря. Повѣсть эта, слабая въ художественномъ отношеніи, любопытна по обилію бытовыхъ чертъ. Стовбырь имѣлъ въ селѣ домъ, витрякъ, пасѣку, садъ, огородъ; все это добро онъ продалъ, чтобы переселиться въ городъ и открыть тутъ торговлю. Вмѣсто свиты сѣраго уразовскаго сукна онъ началъ носить синій жупанъ, а потомъ черкеску; жену нарядилъ въ богатые кунтуши, люстриновыя юпки, шелковыя запаски, парчевые очипки, глазетовые кораблики (головн. уборъ), кораллы и дукаты. Съ переселеніемъ въ городъ и послѣ знакомства съ мелкими торговцами онъ надѣлалъ ей круглыхъ платьевъ и накупилъ платковъ. Въ городѣ купилъ домъ въ лучшей части города о 5-ти комнатахъ. Не безъинтересно описаніе старинаго мѣщанскаго дома, встрѣчающагося и въ настоящее время въ уѣздныхъ городахъ и слободахъ: Крыльцо въ нѣсколько ступенекъ съ навѣсомъ, поддерживаемымъ двумя столбиками съ вырѣзанными кружками, городками и т. п., выкрашеннымъ зеленой краской. Въ сѣняхъ, вымощенныхъ кирпичемъ, три двери и лѣстница на чердакъ. Дверь прямо вела въ „залку“. Въ залкѣ два окна съ частымъ переплетомъ и зелеными стеклами. Въ обоихъ переднихъ углахъ иконы въ окладахъ, кіотахъ и безъ нихъ, работы художниковъ борисовской и суздальской школъ. Всѣ иконы убраны бумажными цвѣтами: зеленою розою, пунсовыми крупными гвоздиками, голубыми тюльпанами; лампады затепливаются подъ праздникъ; въ простѣнкѣ между окнами небольшое зеркало изъ краснаго дерева съ двуглавымъ орломъ на верху. Отъ орла до самаго конца зеркала на обѣ стороны спускалось полотенце, вышитое красными нитками разнымъ узоромъ. Объ это полотенце вытираютъ руки; его мѣняютъ по субботамъ. Залку украшаютъ картинки любовнаго и батальнаго содержанія. Стѣнные часы съ кукушкой и столъ для складки шубъ довершаютъ убранство залки. Изъ залки дверь направо

вела въ „гостиненку“, дверь налѣво—въ опочивальню. Послѣднюю наполняла двойная кровать, нагруженная перинами и подушками. Изъ спальни выходъ въ „кухоньку“, а изъ послѣдней въ сѣни. Въ сѣняхъ дверь направо вела въ отдѣльную комнату, „покой“, предназначенную для гостя или постоя. При домѣ ни огорода, ни сада не было. Стовбырь, теперь уже Стовбыревскій, не хочетъ уже заниматься „мужицкимъ промысломъ“, т. е. огородничествомъ и садоводствомъ. Квитка подмѣтилъ тонкую черту людей, отрѣшающихся отъ народа: отвращеніе къ природѣ. Замѣчательна одна черта въ „Ложныхъ понятіяхъ“. Когда Стовбырь на угощеніе мелкихъ чиновниковъ и купцовъ истратилъ все свое состояніе и долженъ былъ, облекшись снова въ сѣрую свиту, возвратиться въ родное село, друзья чиновники и мѣщане перестали его узнавать и при встрѣчѣ отворачивались отъ него, а крестьяне будто не видѣли его униженія и не обидѣли его словомъ. Они жалѣли, что „ему такъ не посчастливилось“

А. В. Никитенко, говоря въ своихъ „Запискахъ“ объ одномъ большомъ украинскомъ селѣ въ первые годы XIX вѣка (годы наблюденій Квитки), замѣчаетъ: Вся правительственная власть (село графа Шереметьева) сосредоточивалась въ рукахъ графскаго уполномоченнаго или управителя, а сила, двигавшая общественными пружинами и ходомъ вещей—въ рукахъ богатыхъ обывателей, такъ называемыхъ мѣщанъ. Эти мѣщане занимались преимущественно торговлею, и многіе изъ нихъ обладали значительными капиталами, тысячъ до двухсотъ и болѣе рублей. Предметъ ихъ торговли составляли хлѣбъ, сало и кожи. Они не отличались добрыми нравами. То были малороссіяне, выродившіеся или, какъ ихъ называли въ насмѣшку, перевертни, успѣвшіе усвоить себѣ отъ русскихъ одни только пороки. Надутые своимъ богатствомъ, они презирали низшихъ, то есть болѣе бѣдныхъ, чѣмъ сами, сильно плутовали и плутовскимъ продѣлкамъ были обязаны своимъ благосостояніемъ. Жили они роскошно, стараясь подражать горожанамъ, одѣвались въ щегольскіе жупаны, смѣшивая покрой малороссійскій съ русскимъ, задавали частыя попойки, украшали дома свои богато, но безвкусно. Жены ихъ и дочери щеголяли тонкаго сукна кунтушами, шитыми золотомъ очипками, запасками, особенно намистами (ожерельями) изъ дорогихъ крупныхъ коралловъ, въ перемѣшку съ серебряными и золотыми крестами и дукатами...

Украинскія селенія Населеніе распредѣляется въ Слобожанщинѣ по городамъ, селамъ и хуторамъ. Ростъ городовъ большой. Въ нихъ скопляются крупныя торговыя и промышленныя учрежденія, высшія и среднія школы; жизнь

въ нихъ бьетъ ключемъ и притягиваетъ къ себѣ народъ. Въ города, особенно въ Харьковъ, идутъ одни для заработка, другіе для ученія, третьи для развлеченія.

Село-большой населенный пунктъ на берегу рѣчки или вблизи пруда, съ церковью, со школой; большія села съ волостнымъ правленіемъ, пожарнымъ отдѣломъ, иныя съ банкомъ, читальней, библіотекой.

Хуторъ—маленькій поселокъ, безъ церкви, безъ школы, у ставочка или у колодца, иногда изъ одного, двухъ, трехъ дворовъ, постепенно возникшихъ въ лѣсочкѣ вблизи пасѣки.

Предпочтеніе отдается селу, что и въ пѣсняхъ нашло себѣ отраженіе, гдѣ за словомъ „село“ стоитъ объясняющее слово—весело, а весело потому, что болѣе народу, и церковь есть, и базары бываютъ, и лавки съ необходимыми въ хозяйствѣ предметами.

Улицы, за исключеніемъ двухъ-трехъ, идутъ большей частью безъ плана, съ переулочками, съ закругленіями, съ тупиками, и обыкновенно безъ названія. Названія обычны по урочищамъ, въ составъ которыхъ входитъ одна или нѣсколько улицъ, напр., Петренківка, Приточиловка, Гора и т. д.

Дворы разной величины, въ зависимости отъ запаса свободной земли, даже въ предѣлахъ одного и того же уѣзда, напр., въ Котельвѣ, Ахтырскаго уѣзда, дворы болѣе обширны, чѣмъ въ Боромлѣ, того же уѣзда.

Съ ростомъ населенія и развитіемъ малоземелья дворы уменьшаются, постройки все болѣе скучиваются, и все болѣе страдаютъ отъ огня. Мѣстами, напримѣръ въ Боромлѣ, послѣ пожаровъ, уничтожившихъ среди села рядъ дворовъ, часть пострадавшихъ для постройки жилья переводилась на новыя мѣста, чтобы разрѣдить густоту построекъ. Желѣзныя крыши, появившіяся при содѣйствіи Земства, мало помогаютъ при густотѣ построекъ и быстро ржавѣютъ при дороговизнѣ краски и плохомъ ея качествѣ.

Украинскія села и украинскіе дворы, глядя со стороны, представляются однообразными; но если присмотрѣться къ нимъ поближе, то нельзя не замѣтить большого разнообразія въ мелочахъ, въ распредѣленіи построекъ, перегородокъ, выборѣ растеній, и т. д. разнообразія, отражающаго личные вкусы каждаго домохозяина,—черта характерная для украинскаго народа, какъ одинъ изъ показателей развитія личности и ея неизмѣннаго стремленія накладывать на окружающее свой особый отпечатокъ.

Жилища. Хаты выходятъ или прямо на улицу или отдѣляются отъ улицы тыномъ. Помѣщеніе хаты за тыномъ объясняется стремленіемъ оградить ее въ холодное время

отъ снѣга и вѣтра. Матеріалъ бываетъ разный. Чаще всего хаты строятся изъ дерева, рѣже изъ хвороста, обмазаннаго глиною, и еще рѣже изъ камня, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Сначала дѣлаютъ связь изъ бревенъ, потомъ ихъ клинцуютъ, то-есть набиваютъ деревянные колочки, затѣмъ обмазываютъ толстымъ слоемъ глины, перемѣшанной для прочности съ сухимъ навозомъ, и, наконецъ, бѣлятъ стѣны мѣломъ, а заваленку или призьбу около хаты жолтою охрою. Иногда вмѣсто побѣлки, преимущественно въ Богодуховскомъ уѣздѣ, красятъ синькою въ голубой цвѣтъ; въ Лебединскомъ уѣздѣ мѣстами одну стѣнку причілковою, выходящую на улицу, бѣлятъ, а другую красятъ въ желтый цвѣтъ.

Рис. 136. Украинская хата.

Черныхъ или курныхъ хатъ, какія кое-гдѣ встрѣчаются на Волыни и въ Бѣлоруссіи, безъ трубы, такъ что дымъ идетъ подъ потолокъ, въ дырки, такихъ старыхъ хатъ въ Слобожанщинѣ давно уже нѣтъ.

Въ старину дѣлали хаты маленькія—въ одну комнату съ сѣнями, позднѣе повсемѣстно утвердился господствующій типъ хаты—въ двѣ комнаты съ сѣнцами посрединѣ. Нынѣ часто строятъ хаты въ нѣсколько комнатъ, и съ потолкомъ выше, чѣмъ ранѣе, и съ лучшими растворчатыми окнами, вмѣсто старинныхъ маленькихъ оконъ въ одно стекло или въ три стекла, старыя двурамныя, при чемъ поднималась только нижняя рама съ однимъ стекломъ, которое, когда открывали, подпирали палочкой.

Въ названіи разныхъ частей хаты обнаруживается нѣмецкое вліяніе. *Ганокъ* (крыльцо), *дахъ* (крыша), *груба* (печь), *шибка* (стекло въ оконной рамѣ) всѣ слова заимствованы изъ нѣмецкаго языка. Вѣроятно, они зашли въ старыя времена съ ремесленниками-нѣмцами.

Внутреннее расположеніе частей хаты на Украинѣ одинаково, отъ Воронежской губерніи до Карпатъ одно и тоже: отъ входа въ одну сторону въ углу печь, въ другую-полыця или мисникъ, т. е. шкафикъ на стѣнѣ для посуды; между печью и узкою стѣною хаты—причілкомъ - пілъ или деревянный помостъ

Рис. 137. Внутренній видъ хаты.

для постели, впереди подъ иконами покуть со столомъ. Вдоль двухъ стѣнъ скамьи—лавы, у стола маленькія скамеечки—ослончики, замѣняющіе стулья. Вокругъ иконъ цвѣты, рушники, кое-гдѣ малюнки благочестиваго содержанія: виды монастырей, изображеніе святыхъ или архіереевъ, кой-гдѣ царскіе портреты лубочныхъ московскихъ изданій; надъ лавкой между двумя окнами зеркальце, съ рушниками по бокамъ. Печь часто бываетъ расписана цвѣтами.

Съ хатой и отдѣльными ея внутренними частями связано много обрядовъ, повѣрій и сказокъ.

Уже выборъ мѣста и закладка хаты сопровождаются часто гаданіемъ, ворожбой. Примѣчаютъ, гдѣ во дворѣ ложится рогатый скотъ и считаютъ такое мѣсто особено благопріятнымъ для постройки. По угламъ хаты закапываютъ хлѣбныя зерна.

При укладкѣ сволока его предварительно перевязываютъ рушниками и платками, чтобы хата не была голой. Эти рушники и платки идутъ въ пользу плотниковъ, которыхъ при этомъ угощаютъ. Вообще, плотниковъ побаиваются, чтобы они не наворожили, въ случаѣ недовольства. Особенно недовѣрчиво относятся къ плотникамъ изъ великороссовъ, по причинѣ ихъ „знакомства съ нечистою силою".

Печь до сихъ поръ пользуется особымъ почетомъ, какъ мѣсто огня, любимое мѣсто „домового". Печь освящаетъ и очищаетъ человѣка. Дѣвушка, во время сватовства, обязательно должна стоять у печки и колупать ее. Послѣ похоронъ руками берутся за печку для очищенія отъ нечистаго. Печь—средоточіе жизни въ сельской хатѣ. На печку кладутъ новорожденнаго младенца. На печи доживаютъ свои послѣдніе годы старики. Заметать печь нужно чистымъ помеломъ, чтобы не обидѣть огня. Во многихъ мѣстахъ въ печкѣ всегда держатъ воду, чтобы печь не была „голой". На угляхъ гадаютъ. Золу печную даютъ пить отъ болѣзней. На свадьбахъ къ печи обращаются съ просьбой, чтобы каравай хорошо спекся или чтобы молодые были счастливы.

Рис. 138. Великорусскія дѣвушки изъ Ницахи. Ахтырск. у. въ національныхъ костюмахъ.

Одежда сильно измѣнилась. Великороссы оказались болѣе консервативными. Они большей частью сохранили старинныя одежды, особенно женщины. Украинцы усвоили почти повсемѣстно городскіе костюмы, при чемъ, именно, женщины болѣе всего оказались въ этомъ отношеніи уступчивы. Старинныя плахты, запаски, парчевыя очипки, красные и желтые сафьяные сапоги встрѣчаются нынѣ рѣдко. Взамѣнъ пошли новомодныя корсетки, юбки, жилеты, ботинки, галоши. Резиновыя галоши стали предметомъ франтовства. Фабрика вытѣснила старинный домодѣлковый матеріалъ. Получилось болѣе разнообразія въ цвѣтахъ и обманчивая дешевка, такъ какъ фабричные продукты относительно прочности оказались ниже домодѣлковыхъ.

Рис. 139. Украинская дѣвушка въ національномъ костюмѣ.

Пища и напитки опредѣляются, главнымъ образомъ, экономическимъ положеніемъ: одни у богатыхъ, другіе у бѣдныхъ. Многое, однако, измѣнилось съ теченіемъ времени. Почти совсѣмъ вышли изъ употребленія жидкія хлѣбныя кушанія-кваша, соломаха, путря; исчезли совсѣмъ нѣкоторыя приправы, напр., шафранъ, бывшій въ большомъ употребленіи въ старину, меды, многія настойки (калгановка и др.). Употребленіе мяса и рыбы уменьшилось, вслѣдствіе ихъ сильнаго вздорожанія; говядина всегда была въ маломъ ходу на Украинѣ. Рогатый скотъ держали болѣе для работы и для продажи. Въ пищу шла баранина, которая при развитомъ въ старину овцеводствѣ, была очень дешева: въ половинѣ прошлаго вѣка на базарахъ она продавалась по 3—5 коп. за фунтъ. Было также много домашней птицы, которой часто пользовались и селяне для своего стола. Въ рѣчкахъ и прудахъ водилось много рыбы и раковъ. Въ старое время рыбы еще много доставляли чумаки съ Дона и Азовскаго моря. Лѣса, гдѣ росло много фруктовыхъ деревьевъ, и многочисленные панскіе и селянскіе сады, давали большое количество фруктовъ на кушанья, узвары, варенья.

Среди напитковъ водка взяла перевѣсъ надъ всѣми остальными. Распространенные въ старину меды вышли изъ домашняго заготовленія и стали предметомъ заводскаго производства.

Вольное нѣкогда винокуреніе стало также предметомъ исключительно заводской промышленности и было монополизировано государствомъ. Водка стала болѣе крѣпкой и болѣе дорогой, и, соотвѣтственно тому, гораздо болѣе вредной для нравственности и быта народа, приводя однихъ къ развращенію нравовъ, другихъ—къ обѣдненію. Возникло много, такъ называемыхъ пьяницкихъ пѣсенъ, составленныхъ большею частью женщинами, какъ протестъ противъ пьянства мужей обидчиковъ и разорителей хозяйства, напр.:

„Ой ти пьешь та гуляешь,
Не говоришь зо мною:
Доведеться, мій нелюбе,
Розійтись з тобою.
Ой піду я до попа,
Скажу ему стиха:
Розвяжи нам, попе, руки,
Бо нароблю лиха.
Я невірную дружину
Та навіки покину,
А сама піду до роду
З родом не загину“...

Для жены бездѣтной рѣшеніе бросить пьяницу—мужа легко выполнимо. Гораздо труднѣе отдѣлаться отъ него при наличности маленькихъ дѣтей, что превосходно выражено словами одной пѣсни:

Горе мені, моя матусенько, жити з пьяницею,
Просуну я віконце, аж матуся в гости йде,
Питаеться дочки молодоі, „чи пьяниця в домі е“?
„Дома, дома, моя матюнко, цить. не гомони,
Спить пьяниця в новій коморі, гляди, не збуди“.
Нехай спить, нехай лежить, чи нехай не встане.
Нехай твоя бідна головонька от журботи одстане.
„Прошу тебе, моя матусенько, та не лай його,
В мене дітки маленькі і горе жити без нього“.

Значеніе въ быту земледѣлія. Слобожанщина-земледѣльческій край Власть земли тутъ еще очень велика, что обнаруживается въ зависимости городовъ отъ селъ и въ обиліи обычаевъ, обрядовъ, повѣрій, сказаній о хлѣбѣ и хлѣбопашцахъ. За исключеніемъ рѣдкихъ неурожайныхъ годовъ, хлѣба въ Харьковщинѣ было всегда болѣе, чѣмъ достаточно, для прокормленія мѣстнаго населенія, и значительный его излишекъ шелъ еще въ продажу. Такъ какъ, при господствующемъ въ краѣ земледѣльческомъ бытѣ, хлѣбъ составляетъ не только

основу пропитанія, но и заработка, и праздничной радости въ формѣ разныхъ печеній, то и почетъ великій ему оказывается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. При ѣдѣ грѣхъ крошить хлѣбъ; всѣ крошки должны быть собраны и брошены въ печь или отданы птицѣ. Хлѣбъ считается святымъ. Его нельзя топтать ногами. Въ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ къ хлѣбу обращаются, какъ къ живому лицу, и хлѣбъ даже говоритъ. Такъ, въ Купянскомъ уѣздѣ ходитъ разсказъ о томъ, что одинъ селянинъ задумалъ убить свою распутную жену, но былъ удержанъ отъ преступленія словами лежавшаго на столѣ хлѣба, который указалъ на свою исполненную мученій жизнь и совѣтовалъ потерпѣть. Селянинъ послушался совѣта, и ледащая его жинка стала вскорѣ хорошею женою и хозяйкою.

Пожеланіе урожая выражается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, чаще всего и болѣе всего въ посыпаніи хлѣбнымъ зерномъ въ хатѣ на первый день Новаго Года, обсыпаніи свадебнаго поѣзда невѣсты, всыпаній подъ фундаментъ при постройкѣ дома и т. д. Выражается это пожеланіе и во многихъ пѣсняхъ, преимущественно въ колядкахъ и щедривкахъ, которыя поютъ подъ Новый Годъ. Обыкновенно онѣ кончаются словами:

Зароди, Боже,
Жито, пшеницю,
Жито, пшеницю,
Усяку пашницю.

Старая земледѣльческая культура нашла выраженіе во многихъ художественыхъ пѣсняхъ и сценическихъ обрядныхъ дѣйствіяхъ въ формѣ обхода полей съ хоругвями и пѣснями. Все это теперь идетъ къ забвенію. Кое-что можетъ быть переработано и сохранено для школы и сцены.

Ремесленный и фабричный бытъ. Ремесла и промыслы подверглись громаднымъ перемѣнамъ. Вполнѣ прекратились многія отрасли промышленности, селитряный, коцарскій (выдѣлка ковровъ), чумацкій; упало сильно пчеловодство и садоводство; мѣстами появились новыя отрасли, разведеніе клубники (въ Боромлѣ и въ Безлюдовкѣ), огородничество съ торгово-промышленною цѣлью вблизи городовъ, особенно сильное по капиталу сахароваренье, преимущественно въ Сумскомъ, Ахтырскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ. Въ общемъ, кустарные промыслы пошли на убыль, фабрики и заводы—въ ростъ, и вездѣ сталъ быстро увеличиваться рабочій классъ.

Экономическій переворотъ, главнымъ образомъ, переходъ съ натуральнаго хозяйства на фабричное далъ много новыхъ явленій въ бытовой, нравственной и умственной жизни народа. Въ бытовомъ отношеніи обнаруживается сравнительно большое

разнообразіе въ формахъ жизни и привнесеніе многихъ измѣненій въ постройки, одежду, пищу, въ пріемы хозяйства, увеличеніе стремленія къ прикладнымъ техническимъ знаніямъ. Въ моральномъ отношеніи обнаруживается огрубѣніе и порча пѣсни, расширеніе понятій о женщинѣ, какъ членѣ семьи и общества, ослабленіе религіознаго чувства. Въ умственномъ отношеніи—быстрый ростъ національнаго самосознанія, появленіе въ большомъ числѣ просвѣтъ, банковъ, кооперативовъ, спілокъ, стремленіе расширить и улучшить школу.

Жизнь человѣка естественно раздѣляется на личную, семейную и общественную, причемъ общественная жизнь, расширяясь, переходитъ въ государственную.

Въ личной жизни два основныхъ предопредѣленныхъ явленія—рожденіе и кончина, и рядъ другихъ, зависящихъ отъ свободной воли человѣка; въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ—бракъ, какъ главная ступень въ строительствѣ жизни личной и семейной. Рожденіе, бракъ и смерть—въ виду ихъ важности, у народа всегда были окружены многочисленными повѣрьями, обрядами, сказками и пѣснями, созданными большею частью въ давнія времена. Построены онѣ, преимущественно, на желаніи дать человѣку довольство и счастье въ жизни.

Дѣтство. Самое появленіе ребенка на свѣтъ уже вызываетъ рядъ повѣрій и обрядовъ, разсчитанныхъ на то, чтобы роды были легкія, и ребенокъ былъ живъ и счастливъ: запретъ смотрѣть на безобразныхъ лицомъ, на лягушекъ, змѣй, развязываніе узловъ на одежѣ во время родовъ, предосторожности отъ сглаза и т. д. Когда родился ребенокъ, наступаютъ новыя заботы: его обмываютъ, обрѣзываютъ пуповину, „місце“ закапываютъ подъ порогомъ, при купаніи ребенка „слизиваютъ“, т. е. проводятъ языкомъ навкрестъ по личику, купаютъ въ любисткѣ, чтобы любили и т. д. Мать поетъ надъ колыбелью ребенка „колискові“ пѣсни, простыя, задушевныя, разсчитанныя на первые проблески сознательной жизни и первыя наблюденія ребенка надъ окружающей его обстановкой, причемъ большую роль играетъ котъ-воркотъ:

Коте сірий,
Коте білий,
Коте волохатий,
Да ходи до хати,
Дитиночку колихати,
Дамо тобі папи (хлѣба)
Да у твои лапи.
Дамо тобі сала,
Щоб дитина спала,
Будем бити по лапках,
Щоб не ходив по лавках,
Щоб не скидав кружечків,
Щоб не зъідав вершечків.

Пѣсни съ котикомъ легко приспособляются до каждаго маленькаго Ивана, Петрика, Гали, иногда съ добрымъ совѣтомъ, напр.:

А-–а, коточок!
Украв у баби клубочок,
Та поніс до Галі,
Положив на лаві.
Стала Галя кота бить,
Не вчись, коте, красти,
А учись робить,
Черевички шить....

Съ возрастомъ дѣти собираются на улицѣ подъ дворами для общихъ игръ. Число дѣтскихъ игръ велико, напр., въ одномъ Купянскомъ уѣздѣ записано свыше сотни игръ. Въ нѣкоторыхъ играхъ сохранились остатки древняго почитанія силъ и явленій природы—солнца, дождя, въ формѣ обращенія къ нимъ съ просьбами; въ иныхъ играхъ слышенъ еще слабый отзвукъ давнихъ историческихъ событій или древняго быта, въ видѣ лука-самострѣла, набѣга татаръ; но такихъ игръ мало. Большею частью дѣтскія игры на Украинѣ такія же, какія въ Германіи, въ Англіи и др. странахъ, что объясняется сходствомъ дѣтскихъ вкусовъ и понятій у всѣхъ народовъ. Игры бываютъ съ палками, съ ножичкомъ, съ мячемъ, съ камешками или косточками, со жгутомъ, съ ловлею, въ куплю и продажу, игры въ перегонки, игры съ приговорами, припѣвами и пѣснями.

Къ числу любимыхъ игръ съ пѣснями принадлежитъ игра „въ макъ“ и игра „въ дударя“. Первая игра упоминается еще у стараго харьковскаго писателя XVIII вѣка Сковороды съ любопытнымъ замѣчаніемъ, что простая пѣсенка этой игры нравилась бѣлгородскому Епископу Іосафу Горленко. Состоитъ эта игра въ томъ, что дѣвочки или мальчики, взявшись за руки, ведутъ кругъ, по серединѣ котораго сидитъ мальчикъ (или дѣвочка) и поютъ:

Соловеечку, сватку, сватку,
Чи бував же ти в садку, в садку,
Чи бачив, як сіють мак.

Мальчикъ показываетъ рукою, какъ сѣютъ макъ. Далѣе поютъ снова „Соловеечку“ и пр., перемѣняя только вопросъ, какъ макъ рвутъ, какъ его ѣдятъ, а мальчикъ все это объясняетъ молча руками.

Игра въ „дударя“ состоитъ въ томъ, что кругъ поетъ:

Захворав наш Дударь, занедужав,
Та пішли баби зілля рвати
Трой зілля рвати. Дударя купати.
Та уж наш Дударь та ученьку підняв,
Та уж наш Дударь та і другу підняв,

Та уж наш Дударь і ніженьку підняв,
Та уж наш Дударь і головку підняв,
Та уж наш Дударь і зовсім устав.

Ой ходімо, подивимось, як старі баби скачуть,
Оттак баби скачуть, оттак баби пляшуть
Згорбулившись, зажмурившись.

Мальчикъ, сидящій посрединѣ круга, показываетъ, какъ онъ выздоравливаетъ, постепенно поднимается, и дѣти пускаются въ пляску.

Вечерницы. Взрослая молодежь развлекается на вечерницахъ, досвіткахъ или улицахъ. „Улица" бываетъ лѣтомъ подъ праздники, когда стемнѣетъ. Молодежь собирается возлѣ двора, гдѣ есть дѣвчата поютъ пѣсни, ведутъ игры, играютъ на гармоникѣ. Вечерницы или досвітки бываютъ осенью и зимою; устраиваются молодежью въ складчину въ хатѣ какой-либо вдовы, получающей за это угощеніе или небольшую плату. Отзывы о нравственной сторонѣ вечерницъ весьма различны, есть благопріятные и неблагопріятные, послѣдніе большей частью новаго времени; но и въ старое время, какъ показываютъ повѣсти Квитки-Основьяненка, строгіе родители не пускали на вечерницы своихъ дочерей. На вечерницахъ молодежь знакомится, и такое знакомство, обыкновенно, оканчивается свадьбой.

Бракъ. Свадьба—самый торжественный и веселый такъ въ жизни, представляетъ рядъ живыхъ драматическихъ сценъ, съ шутками, прибаутками, пѣснями и обрядами, всецѣло расчитанными на то, чтобы предопредѣлить молодымъ счастливую жизнь, урожай хлѣба, хорошихъ добрыхъ дѣтей и спокойную тихую старость. По такимъ доброжелательнымъ мотивамъ обсыпаютъ молодыхъ хлѣбными зернами, сажаютъ ихъ на вывернутый шерстью вверхъ кожухъ, брызгаютъ виномъ въ потолокъ, сажаютъ молодой на колѣни мальчика, торжественно пекутъ свадебный хлѣбъ съ разными украшеніями. что въ старое время имѣло значеніе жертвоприношенія солнцу.

Сватанье связано съ разными обрядами и поговорками. Оно очень сценично, и потому его въ широкой мѣрѣ использовали украинскіе драматурги и живописцы—Квитка, Кропивницкій, Карпенко-Карый, В. Маковскій и мног. др. Парубокъ посылаетъ обыкновенно двухъ сватовъ, которые приходятъ съ хлѣбомъ въ рукахъ. и затѣмъ между ними и родителями невѣсты начинается такой разговоръ:

Сваты. А пустіть, будьте ласкаві, в хату, кланяемось вам, свате, хлібом-сіллю (даютъ хлѣбъ).

Батько і мати. Спасибі за хліб, за сіль. Сідайте.

Сваты. Ми прийшли до вас шукать куници, що ховається під соломьяні копиці (входитъ дівчина, и становится у печки и колупаетъ ее).

Батько. Бачите, ловці-молодці, що ви наробили, мене з жінкою смутили, дочку пристидили, що скоро піч зовсім повалить. Так, ось що мы зробимо: доброго слова не цураемось, а щоб ви нас не порочили за те, що ми передержуем куницю-красную дівицю, то ми вас перевяжемо і тоді усе добре вам скажемо. Дочко! прийшла черга і нам до прикладу казати, годі піч колупати, а чи нема чим ціх ловців-молодців повязаты.

Мати. Чи чуеш, Тетяно, що батько каже. Йди, та давай чим людей перевязати. А може, нічого не придбала та з сорому піч колупаеш. Нівміла матері слухать, не вчилася прясти, не заробила рушників? (Дѣв. идетъ въ комнату и выноситъ на тарелкѣ два вышитыхъ, крестъ на крестъ положеныхъ, рушника, кладетъ ихъ на хлѣбѣ, кланяется и цѣлуетъ руку у батька и у неньки, потомъ обвязываетъ рушниками сватовъ. Сваты кланяются и говорятъ).

Сваты. Спасибі батькові й матері, що свою доню рано будили і доброму ділу вчили. Спасибі і дивочці, що рано вставала, тонко пряла і гарні рушники придбала (входитъ женихъ. Дѣв. выноситъ платокъ).

Батько. Цёму, дочко, сама чипляй, за пояс хустку затикай, та до себе притягай, та слухай его, та шануй. (Дѣв. даритъ хустку. Старики начинаютъ угощать гостей).

Первый сватъ, (похваливая горілку говоритъ другому), А ну, товарищу, спробуй і ти та скажи, чи пили ми таке у Туреччині, або і в Німеччині.

Батько. Кушайте на здоровьячко; ішла баба від ляхів, та несла здоровья сім міхів, так ми у неї купили, сім рублів заплатили, та в цю горілочку положили (входятъ дѣвчата, дружки).

Дівчата.

Обмітайте двори,
Застилайте столи,
Кладіте ложечки,

Срібні блюдечки,
Золоті мисочки,
От ідуть дружечки?

Маты. Сідайте, дружечки, моі голубочки!

Дівчата.

Та ти, дружечко Тетяночко,
Ламлите роженьку,
Стелить дороженьку,
Щоб мнягко ступати,

На двір танцювати,
З скрипками, цимбалами,
З хорошими боярами.

(Входятъ бояры-хлопци, съ музыкою и начинаютъ танцевать).

Дальнѣйшій ходъ свадьбы развивается стройно и послѣдовательно. Въ полномъ видѣ, не совсѣмъ нынѣ выдерживаемомъ, онъ состоитъ въ томъ, что послѣ сватанія или заручинъ, молодой дѣвушкѣ торжественно расчесываютъ косу и надѣваютъ на нее очипокъ очепини, далѣе гадаютъ, усаживаютъ молодыхъ въ главномъ углу на тулупѣ, вывернутомъ вверхъ шерстью, осыпаютъ хлѣбнымъ зерномъ, пекутъ каравай, обводятъ вокругъ стола, завязываютъ молодымъ руки рушникомъ, послѣ вѣнчанія торжественно со свѣчей встрѣчаютъ въ домѣ молодого, сажаютъ на колѣни молодой мальчика, устраиваютъ брачное ложе, и на другой день ходятъ по улицамъ съ плясками и пѣснями.

Всѣ акты этой сложной свадебной драмы переплетены множествомъ пѣсенъ и обрядовъ.

Со свадьбою кончается веселая молодость и наступаютъ годы трудовой семейной жизни, особенно для женщины-матери и хозяйки, что прекрасно выражено въ одной народной пѣснѣ:

Кому воля, тому воленька,
А жіночкам все неволенька,
Діжу місить, в печі палить,
Дитя колиш, борщ вари.
Борщ каже: закриши мене,
Хата каже: замети мене,
Дитя каже: нагодуй мене,
Воркун каже: поцілуй мене.

Послѣдующіе годы даютъ много тревоги и горя, что выразилось въ пѣсняхъ про несчастную долю женщины, мужъ которой пьяница, про горестное житье на чужой сторонѣ, особенно про ссоры невѣстки съ свекровью, напр., такая выразительная пѣсня записана въ Харьковщинѣ. Пѣсня изложена въ обыкновенной формѣ разговора мужа съ молодою женою:

„Чого ж ти, мила, такая,
На личинько блідная.
Я ж тобі, милий, правду скажу—
Я твоій неньці не вгожу:
Напечу хліба-невдашний,
Помажу комінь-небіло,
Помию ложки-не в діло,
Постелю постель-не ляже,
Доброго слова не скаже
Чоботи помажу-не вбуе,
Між люде піде-осуде:
В мене невістка ледащо,
Робить не може ні за що".

Смерть. Похоронные обряды и пѣсни малочисленны. Въ старое время въ Харьковщинѣ было ихъ гораздо болѣе: напримѣръ, при похоронахъ парня или дѣвушки ихъ украшали, какъ на свадьбу, за гробомъ дѣвушки шелъ парубокъ, какъ женихъ, въ ходу былъ при этомъ красный цвѣтъ. Бывали еще плачеи, которыя выкрикивали печальныя пѣсни, нынѣ ихъ нѣтъ; но плачи мѣстами еще сохранились въ видѣ заунывныхъ,

печальныхъ пѣсенъ, съ вопросами, куда уходитъ отецъ, мать, мужъ, на кого оставляетъ и т. д. Въ Великороссіи плачей гораздо болѣе, особенно на дальнемъ сѣверѣ, и тамъ есть до сихъ поръ и спеціалистки пѣть такія пѣсни, особыя плачеи.

Праздники. Во всѣ времена отъ будней жизни находили выходъ въ праздникахъ. Въ Слобожанщинѣ, какъ въ старину, такъ и нынѣ праздники занимаютъ въ жизни народа видное мѣсто. Ревностные хозяева—земцы часто высказывались, противъ чрезмѣрнаго числа праздниковъ, особенно Е. С. Гордѣенко, находившій, что народъ треть года губитъ на бездѣльничаніе, особенно вредное для страднаго лѣтняго времени. Ранѣе противъ простонародныхъ праздниковъ ратовало духовенство, усматривая въ нихъ остатки языческихъ суевѣрій. Оно добилось даже того, что гетманы издавали запретительные универсалы. Но праздники не поддавались запрету, дошли до нашихъ дней, хотя въ значительно измѣненномъ видѣ. Поблекли и захирѣли Троицкія Святки, почти совсѣмъ исчезъ праздникъ Купалы, превратившійся въ дѣтскую игру; потеряла много въ оживленіи масленица; удержались лишь два самыхъ главныхъ праздника—Різдво и Великдень; въ городахъ къ нимъ наросло много другихъ случайныхъ праздничныхъ дней, частью какъ результатъ ослабленія трудоспособности и проявленіе общественной распущенности. Різдво-главный зимній праздникъ сохранилъ отчасти старую обрядность въ гаданіяхъ и старую поэзію въ видѣ колядокъ и щедривокъ. Въ Слобожанщинѣ Різдво всегда справлялось торжественно. Живое описаніе того, какъ оно праздновалось въ 30—40 годахъ прошлаго вѣка далъ харьковскій писатель того времени Квитка-Основьяненко въ повѣсти „Панна Сотниковна "(на русск. языкѣ) и почти одновременно другой харьковскій писатель—Вадимъ Пассекъ въ 3-ей книгѣ „Очерковъ Россіи". Въ самомъ Харьковѣ тогда пѣли на Рождество превосходныя колядки и щедривки, изъ коихъ 12 изданы Пассекомъ въ 1840-мъ году. Колядки проникнуты доброжелательствомъ. Въ колядкахъ и щедривкахъ выражается представленіе народа о счастливой семейной жизни, иногда съ проведеніемъ уваженія къ грамотѣ и съ признаніемъ важности живой сердечной связи дѣтей съ родителями, напр., въ слѣдующей превосходной колядкѣ:

У нашого пана хорошая пані,
Бог ему дав славную жону в його дому,
По двору ходить, як місяць сходить,
По сінцях ходить, як зоря сходить.
Садила синків в чотирі рядки,
Садила дочки в три рядочки,

Синочки зросли-у школу пішли,
А дочки зросли-у швачки пішли.
Синочки йдутъ, книжечки несуть.

Книжечки на стіл, батеньки до ніг,
А донечки хустки на піл, матюнці до ніг.

Самымъ красивымъ и торжественнымъ праздникомъ въ Слобожанщинѣ всегда былъ Великдень, или день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Высокая поэзія церковныхъ обрядовъ и пѣснопѣній вытѣснила или сильно измѣнила основныя древнія черты этого праздника возрожденія весенняго солнца. Почитаніе солнца, какъ творца жизни, и прежде всего урожая хлѣба, наложило на Великдень яркій свѣтлый отпечатокъ. Изъ остатковъ глубокой старины долѣе всего держался, мѣстами и нынѣ еще держится обычай приготовленія крашанокъ и писанокъ. Крашанками называются яйца, окрашенныя въ красный цвѣтъ, писанками—яйца разнообразной росписи съ геометрическими или растительными орнаментами. Круглое яйцо—символъ весенняго возрожденія солнца—стало символомъ Воскресенія Христа. Происхожденіе символа относится къ глубокой древности Въ древнемъ Египтѣ и въ Персіи яйцо уже было символомъ солнца и принадлежностью солнечныхъ боговъ. Христіанство восприняло этотъ символъ и приспособило его къ евангельской исторіи. Возникли легенды о происхожденіи писанокъ. Одна легенда связана съ именемъ Маріи Магдалины—когда она впервые произнесла „Христосъ Воскресъ", то всѣ яйца въ ея домѣ стали писанками. Другая легенда говоритъ, что одинъ бѣднякъ несъ въ корзинѣ яйца на базаръ. Увидѣвъ Христа, изнемогающаго подъ тяжестью креста, онъ поставилъ корзину, помогъ Христу снести крестъ на Голгофу и, когда вернулся, то увидѣлъ, что всѣ яйца стали писанками.

Рис. 140. Писанка.

Писанки расписывались дѣвушками красками изъ домашнихъ цвѣтовъ разнообразными формами, большею частью въ видѣ геометрическихъ линій, часто въ видѣ цвѣтовъ, изрѣдка съ животной орнаментикой (пѣтушки, голуби). Во многихъ случаяхъ проявляется тонкое художественное чутье и широко развитое чувство природы, напр., въ одной коллекціи писанокъ Лебединскаго уѣзда Харьк. губ. изъ 58 №№ всѣ зарисованы

только по двумъ мотивамъ-дубовый листъ и вишневый листъ, при чемъ у каждой особая манера расположенія листа.

Поэтическое творчество. Въ жизни украинскаго народа большое значеніе имѣетъ поэзія, особенно пѣсни, преданія, сказки, легенды, пословицы. Въ народной словесности выражено много мягкаго и гуманнаго чувства, историческія воспоминанія о борьбѣ съ татарами и поляками; во многихъ пѣсняхъ и сказкахъ отразилась старая духовная школа и старая письменность, особенно старинныя церковныя проповѣди и, такъ называемые, апокрифы, или наполненные разными вымыслами разсказы на библейскія темы о сотвореніи міра и человѣка, объ Адамѣ и Евѣ, о потопѣ, о Соломонѣ, о Христѣ и Богородицѣ. Хранителями пѣсенъ и сказокъ были кобзари и байкари, особенно кобзари, до сихъ поръ встрѣчающіеся по городамъ и селамъ Харьковщины.

Рис. 141. Кобзарь.

Вѣрованія, сказки. Наряду съ человѣческомъ міромъ въ жизни народа стоитъ міръ фантастическій. Взаимотношеніе между этими мірами съ теченіемъ времени сильно измѣнилось: сначала преобладалъ рѣшительно міръ фантазіи; нынѣ онъ занимаетъ очень скромное, вполнѣ подчиненное и сильно урѣзанное положеніе. Нужно оговорить, что за фантастическимъ міромъ скрывалась нѣкогда большая реальная сила. Безъ Бога ни до порога. Святые повсюду принимали участіе. Демоны нахально на каждомъ шагу подставляли ножку. Лѣшій посвисты-

валъ въ лѣсу чуть не на каждомъ сухомъ пнѣ. Домовой—неизбѣжный обитатель конюшни и запечья. Безъ знахаря свадьба не обходилась. Вѣдьма вездѣ портила коровъ и т. д.,—на каждомъ шагу фантастическое существо вмѣшивалось въ жизнь человѣка, въ однихъ случаяхъ ее оберегало, хранило, въ другихъ—вредило, разрушало. Теперь остались одни обломки этого сложнаго духовнаго міра. По вѣрѣ народа—великъ Богъ и святые его; но ангелы облекаются туманомъ забвенія, черти тѣмъ болѣе; свадьбы обходятся безъ знахаря; держится еще кое-что немногое; вѣдьмы, выдаивающія коровъ, клады, знахарское лѣченіе болѣзней, завязываніе закрутки на хлѣбныхъ нивахъ и т. д. Суевѣрія болѣе держатся среди женщинъ, отчасти потому, что онѣ мало затронуты школой.

Фантастическій міръ народа не ограничивается одной демонологіей, или разсказами и повѣрьями о чертяхъ, вѣдьмахъ, домовыхъ, упыряхъ, вовкулахъ.

Сказки и легенды раскрываютъ много другихъ образовъ и представленій, никогда не существовавшихъ въ дѣйствительности, которымъ многіе вѣрятъ, и въ свободный отъ работы часъ о которыхъ охотно повѣствуютъ; напр., образы грозныхъ великановъ, злой Бабы-Яги, красавца-царевича, освобождающаго прекрасную царевну, похищенную чудовищемъ, о дѣвушкахъ въ видѣ лебедей, о мальчикѣ величиною съ пальчикъ, о превращеніи несчастной дѣвушки въ тополь, о превращеніи брата и сестры, полюбившихъ другъ друга, въ цвѣтокъ Иванъ да Марья, о сотвореніи міра Богомъ при участіи Сатанаила, о соотвореніи человѣка изъ глины, оплеваніи его Сатаною и возникшихъ отъ того болѣзняхъ, о супругахъ—солнцѣ и мѣсяцѣ—и дѣтяхъ ихъ звѣздахъ, о долѣ и недолѣ, какъ одна благоволитъ человѣку и за него работаетъ, а другая лѣнива и нерадива, о маленькихъ вредныхъ злыдняхъ, которые, вцѣпившись въ человѣка, дѣлаютъ изъ него несчастнаго бѣдняка и неудачника и т. д.—огромное количество разнообразныхъ сказаній и повѣрій, между которыми есть много превосходныхъ поэтическихъ.

Фантастическій міръ сказаній представленъ на Слобожанщинѣ весьма разнообразно. Для многихъ поколѣній онъ составлялъ главную духовную пищу. Передавали его бережно изъ рода въ родъ и пользовались имъ въ разнообразныхъ формахъ, въ горѣ для утѣшенія, въ радости для большаго веселья, въ разсужденіяхъ, разговорахъ и спорахъ для оправданія или укрѣпленія высказаной мысли. Много фантастическихъ сказокъ и повѣрій было въ разное время записано и напечатано въ разныхъ печатныхъ изданіяхъ. Старинные харьковскіе писатели—

Квитка, Щоголевъ широко ими пользовались. Квитка на нихъ построилъ большую часть своихъ повѣстей и разсказовъ.

Народная медицина. Съ народной фантастикой тѣсно связана была въ старое время даже такая область, гдѣ ее, казалось бы, менѣе всего можно ожидать, и гдѣ она не должна имѣть приложенія—именно, лѣченіе людей и животныхъ. Лишь въ послѣднее время практическая научная медицина стала все болѣе и болѣе вытѣснять изъ жизни села старинное лѣчебное знахарство. Нельзя отрицать за сельскимъ знахарствомъ нѣкоторой пользы, особенно въ то время, когда не было земской медицины. Важно было уже то, что оно давало надежду, утѣшеніе, а иногда и исцѣленіе отъ болѣзни, такъ какъ наряду съ безполезными пріемами, часто пользовались дѣйствительно лѣчебными травами или удачнымъ примѣненіемъ растираній и согрѣваній.

У народа на низахъ держатся такіе способы лѣченія: 1) заговоръ, имѣющій иногда полезное практическое значеніе, какъ внушеніе, воздѣйствіе на психическую сторону больного, а черезъ нее и на физическое его страданіе, 2) церковныя средства—молитвословія, ладанки, спрыскиванія св. водой, помазаніе елеемъ, въ значеніи такого же внушенія, 3) массажъ, какъ нѣчто болѣе реальное и дѣйствительное, иногда совпадающій съ пріемами научной медицины, напр., „ськаніе"—перебираніе волосъ или массированіе кожи на головѣ при головной боли, растираніе живота или спины при коликахъ, 4) теплая ванна или по просту въ корытѣ, или еще проще въ нагрѣтой печи, при ломотѣ и др., или накладываніе разогрѣтаго горшка на животъ, 5) лѣчебныя травы, среди которыхъ есть безусловно полезныя, напр., горечавка, принятая и научной медициной. Тертые сушеные черные тараканы, употребляемые у народа отъ водянки, перешли въ медицинскую практику также для лѣченія водянки.

Въ общемъ, народная жизнь представляетъ въ настоящее время чрезвычайно пеструю картину изъ самыхъ разнообразныхъ проявленій мысли и быта, съ весьма различными по времени наслоеніями, съ остатками отдаленной старины въ сказаніяхъ, обрядахъ и пѣсняхъ, въ повѣрьяхъ и обычаяхъ, и съ пріобрѣтеніями послѣдняго времени, только что вошедшими въ старое міросозерцаніе и установившійся бытъ. Въ современной сельской хатѣ на стѣнкѣ можно увидѣть фотографію хозяина и членовъ его семьи, въ скрыньѣ револьверъ, въ шкафикѣ бутылочку дорогого ликера, купленнаго случайно на станціи у проѣзжихъ солдатъ. Въ новыхъ сказкахъ можно встрѣтить въ украинской

передачѣ разсказъ Льва Толстого о покаяніи ангела, а въ бесѣдѣ на сходѣ услышать обломокъ какой-нибудь западно-европейской экономической теоріи.

Чрезвычайная сложность и пестрота современнаго умственнаго и нравственнаго склада народной жизни требуютъ серьезнаго къ ней отношенія, внимательнаго изученія и осторожности въ заключительныхъ выводахъ и рѣшеніяхъ.

Харьковская губернія въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ.

Площадь Харьковской губерніи какъ было уже указано въ географическомъ очеркѣ исчисляется въ круглыхъ цифрахъ 47.885 квадратныхъ верстъ или около 4.988.005 десятинъ земли.

Населеніе въ Харьковской губерніи въ 1916 году исчислялось въ 3.452.000 человѣкъ или 69.5 душъ на одну квадратную версту площади. Въ это число входитъ

Городского населенія—543.700 или 15.7%

Сельскаго населенія —2.908.300 или 84.3%

Такимъ образомъ плотность населенія въ Харьковской губерніи на 1 квадратную версту составляетъ 72.1 отъ всего населенія, 60.6 человѣкъ отъ сельскаго населенія.

Сельское хозяйство губерніи.

Основной хозяйственной отраслью Харьковской губерніи является сельское хозяйство, какъ по относительному количеству населенія, занятаго сельско-хозяйственнымъ промысломъ, по капиталамъ вложеннымъ въ эту отрасль хозяйственной жизни губерніи, такъ и по общей суммѣ получаемыхъ отъ этого промысла доходовъ.

Землевладѣніе и землепользованіе. Изъ 4.988.005 десятинъ общей площади земли въ Харьковской губерніи земли удобной для сельско-хозяйственнаго пользованія насчитывается 4.578.807 десятинъ или 91,8% общей площади губерніи. Остальная земля въ количествѣ 409.198 десятинъ, отнесенная къ разряду земель неудобныхъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи можетъ, однако, путемъ меліорацій (осушеніе болотъ, облѣсеніе песковъ, закрѣпленіе овраговъ и т. п.) быть переведена въ разрядъ земель удобныхъ для сельскохозяйственнаго использованія. Меліорація 409.198 десятинъ земли требуетъ однако, затратъ огромнаго количества средствъ и значительнаго времени.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Предисловіе *(проф. В. И. Таліевъ)* 3
2. Географическій очеркъ Харьковской губ. (*прив.-доц. А. С. Ѳедоровскій*) 5
3. Климатъ (*Д. К. Педаевъ*) 36
4. Геологія *(прив.-доц. А. С. Ѳедоровскій)* 54
5. Очеркъ растительности *(проф. В. И. Таліевъ)* . . . 91
6. Животный міръ (*В. Г. Аверинъ*) 155
7. Почвы (*проф. В. И. Таліевъ*) 213
8. Исторія края (*прив.-доц. А. С. Ѳедоровскій* и *В. А. Барвинскій*) 226
9. Этнографическій очеркъ (*проф. Н. Ф. Сумцовъ*) . . . 261
10. Харьковская губ. въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ (*И. В. Емельяновъ*) 283
11. Важнѣйшіе города, селенія и достопримѣчательности Харьковской губ. (*проф. В. И. Таліевъ*) 303
12. Экскурсіонные маршруты по Харьковской губ. (*проф. В. И. Таліевъ*) 334